

2.2. Методический подход к демократической цивилизации

Универсальный метод прямолинейно-прогрессивистского подхода способствует проблемам в восприятии реальности, по меньшей мере, столь же, сколь религиозный догматизм. И суждения, исходящие из этого метода, совершенно не отличаются от религиозных: Вселенная находится в состоянии бесконечного развития, сбудется все то, что написано в Хранимой Скрижали (Лаух аль-Махфуз). Иными словами, осуществляемое — это единственное, что должно осуществиться. Все осуществляется так, как было предусмотрено. Позитивизм не является ни антиметафизическим, ни антирелигиозным, как это принято считать, являясь на самом деле наиболее грубой материалистской религией, слегка покрытой лаком научности. Точнее, это современное идолопоклонничество. Основное сходство между двумя догматическими методами связано с существованием силы, называемой законом, повелевающим природой. Было лишь высказывание о том, что вместо законов Бога должны быть утверждены только законы науки. Все остальное — одно и то же объяснение. Наиболее страшная сторона позитивистского метода мышления заключается в том, что в суждениях применяется подход, аналогичный силе этого закона. Толкования как такового нет. Конкретный, объективный, господствующий взгляд, кажущийся всем одинаковым, в сущности, противоречит и науке. В итоге конкретного разделения на субъект и объект даже не остается место для ошибки.

Можно понять усилия, направленные на представление средневековой теологии буржуазии в виде секулярной и научной философии, покрытой лаком позитивизма. Это, конечно же, будет нести на себе след реальности, зародившейся в его лоне. До тех пор, пока мы не освободимся от символических методов, внедряемых в наши умы со времен Средневековья, даже на протяжении всей истории цивилизации, наше мышление неизбежно будет оставаться в плену позитивистской стихии. Данная ситуация способствует тому, что чрезмерные повторы, сухая риторика (словесное мастерство, эквилибристика) стали считаться реальными. Вместо прежних утверждений о том, что «все, сказанное имамом, верно», стали твердить, что «все, сказанное учителем, философом, верно». В основе нерентабельности нашего мышления лежит именно данная действительность. Так мы лишаемся возможности сделать хоть одно толкование, касающееся нашей собственной социальной природы. Это крайне ужасающая ситуация, автоматическое ослепление разума и плен. Религиозный догматизм освещает некоторые исторические реалии хотя бы при помощи определенной силы традиций. В позитивизме и этого нет. Он создает порог колоссального отчуждения между нашими реалиями и нами. Это похоже на то, что, будучи

идеологической гегемонией Запада, он пытается взять разум в плен без оружия (не используя собственный разум). Ясно, что, не сломив этот догматизм, не представляется возможным сломать ни официальную цивилизацию, в целом, ни, в частности, парадигму современного капитализма. Стало быть, не удалось обрести силу свободного толкования. Я убежден в следующем своем выводе: идеологическое оружие обладает гораздо большей запрещающей силой, нежели оружие боевое.

Задавая себе вопрос: «Можно ли систематизировать демократическую цивилизацию?» — я немало боролся с этими методическими цепями. Но гораздо труднее оказалось сломать догмы, касающиеся научного социализма, в который я очень сильно верил. Словно борясь с самим собой, я освобождался от плена догматизма — дело в том, что большая часть моей жизни прошла в этой борьбе.

Я переживал следующее противоречие: будучи, с одной стороны, все еще под воздействием культуры, существующей на протяжении тысячелетий (с 10000 гг. до н. э. по наши дни) на родине аграрной революции, с другой стороны, я взялся за борьбу, посвященную строительству посткапиталистического общества. Как можно было строить новое общество, если пространство между двумя упомянутыми фактами не заполнило пустоту протяженностью, как минимум, в двенадцать тысячелетий? Система нашего мышления превратилась, по меньшей мере, в науку о конце света, эсхатологию. Ясно, что в моем мышлении не присутствовал ни один эффективный метод. Болезнь, не позволявшую уходить даже на сантиметр дальше написанного, можно объяснить только воздействием догматизма. Не освободившись от суеты религиозных шаблонов, мы подверглись бомбардировке официального позитивизма. Я понял, что силы, которые по-настоящему защищают существующую систему, родились в недрах ее идеологической гегемонии. Именно поэтому я еще лучше понимаю яростную борьбу Ницше с официальной немецкой идеологией. Если и известно несколько истин в отношении Запада, то, во всяком случае, этим мы обязаны данной активной борьбе.

Первая догма, от влияния которой я решительно освободился, — это тезис научного социализма о том, что вслед за первобытной общиной как общественной формацией друг за другом обязательно формировались рабовладельческая и прочие классовые общественные системы. Эту догму я длительное время усваивал, как некий закон. Я быстро отказался и от второй догмы, тесно связанной с первой, а заключалась она в том, что общество следует именовать по названию класса. Определения, касающиеся рабовладельческого и феодального обществ, маскируют истину в самых ее уязвимых точках, отождествляют общество с хозяевами. Ясно, что это всего лишь остатки господствующих ртов. Мне не составило труда разложить, подобно ниткам раскрытого носка, и третью догму, тесно связанную с первыми двумя. Я имею в виду постулат о том, что этапы развития классового общества необходимы и прогрессивны. Я понял, что этапы развития классового общества отнюдь не являются обязательными; напротив, я поступил смело, разценив этот процесс как наиболее реакционный, цепями охватывающий все общество. Итогом стало то, что историю можно сделать еще ближе к истине. Очень уместным является метод, позволяющий, в противоположность множеству толкований, не стесняясь их, видеть в этом усилия, обогащающие смысл. Разрыв цепей догматизма (изначальное господство) во многих сферах, конечно же, способствовал развитию силы толкования и богатства смысла. Могу четко

констатировать следующее обстоятельство: если люди, независимо от места и положения, не могут решить стоящие перед ними проблемы, то основным фактором этого неумения является примитивный уровень мышления, не способный придать смелости для освобождения от тысячелетних догм и инстинктов, которые не удалось разрушить. Трусость мышления лежит в основе всех страхов.

Второе важное обстоятельство, привлекшее мое внимание в размышлениях о демократической цивилизации, это большое количество эмпирического материала, который имелся вокруг меня. Что касается наблюдений по поводу истории, то это свидетельство чрезмерности данного материала. Отчего династии, узурпаторы прибавочной стоимости, очаги власти могут считаться системой, а семья, род, племя, сельские и городские классы, оказавшиеся за рамками власти, народы и нации, не обретшие своей государственности, не могут быть оценены с точки зрения систематики? Отчего они не могут сами образовать систему, обрести смысл как идеология и образования?

Если те, с кем мы связывали свои надежды, не смогли достаточно четко ответить на эти вопросы, значит, во всяком случае, у них были на это свои причины. В любом случае ясно, что эти вопросы не лишены истины. В общем-то, есть немало ответов, разбросанных по крупичкам, не сложившихся в определенную систему. Достаточно уметь найти их.

Третьим фактором в начале моего поиска иной цивилизации и современности стал потенциал свободного строительства, касающийся социальной природы. Если и есть накопившиеся гигантские проблемы, а люди находятся в ужасающем состоянии из-за безработицы и голода, то строительство системы (в смысле созидания, а не социальной инженерии) не просто возможно, а необходимо, это просто нравственная обязанность. Впрочем, масштабы проблем выносят на повестку дня необходимость революции, а революция делает актуальными образования, в которых кроются ответы на вопросы.

Четвертым фактором моих поисков является следующее: господствующая система совершенно не дает тебе никаких надежд, не считает тебя за человека и не решает даже самых простых проблем, связанных с идентичностью. Стало быть, во имя цели остаться человеком тебе следует связать самоуважение и надежду на себя с силой, позволяющей строить новую собственную систему. Иначе тебе, возможно, не только не достанутся остатки трапезы волков, но ты сам превратишься в их трапезу.

Последний фактор, может быть, присущ мне, но я верю, что он имеет общий характер. Если человек, с которым ты связал свои надежды, не в состоянии дать тебе ничего, пусть даже речь идет о твоей матери, ты, как личность, обязан верить только в свои силы. Ты не должен ни уклоняться влево или вправо, ни поддаваться собственным инстинктам. Если даже обстановка вокруг не способствует жизни, знай, что как человек ты в состоянии продемонстрировать ум и волю, способные создать все лучшее, правильное и красивое!

В соответствии с прямолинейным толкованием истории городское общество, возвысившееся после сельской крестьянской общины, обладает правом «последнего слова». Повествования о цивилизации, развиваемые вокруг города, это и есть сама истина, сила, захватившая управление городом и организовавшая его в форме теократического государства, будучи

господствующим классом, является движущей силой истории. Считается: что бы ни сделала эта сила, все верно и свято, все это — осуществление того, что написано на роду. Для этого возвышаются божественные идеологические гегемонии. Любой голос против этого считается предательством вечного слова и его жизненного выражения, подвергается «божественному гневу». Все самые недостойные деяния деспотов (система самого жестокого угнетения и эксплуатации) в устах жрецов звучат как самые священные слова Бога или богов. Отныне, и тоньше нити шеи слуг, склонившиеся пред законами богов, не способные испытать боль, даже если им отрубят шею.

Городская эпоха, городская цивилизация, которая является организацией капитала и силы и в грубой форме представляется в виде оригинальной мифологии или религии, пройдя через различные превращения, дошла до сегодняшнего дня. Несмотря на неизменность сути, риторика и форма (способ организации) подвергаются переменам, и государство, представляясь таким образом, не преминет навечно объявить себя жестким национально-государственным фашизмом. Бюрократическая железная клетка, являясь организацией городского капитала и силы, вместе с теми, кто находится внутри нее, увеличивая рост СПИДа и раковых заболеваний, приводит к тому, что начинается стадия социальной канцерогенности, охватившей все внутренние структуры и окружающую среду, что становится более ужасающим процессом. Для того, чтобы понять, что это пояснение, сделанное в наиболее общих чертах, не является преувеличением, достаточно посмотреть на войны, имевшие место в течение последних четырех столетий мировой системы (максимально пять тысяч лет), колониализм, состояние войны, распространенное на все общество, современное состояние трагедии окружающей среды.

Окинув взглядом все формы либеральной идеологической гегемонии и еще больше — официальные сферы (государственные идеологии), можно сказать, что так была поставлена последняя точка истории. Иными словами, капиталистическая система на вершине глобальной эпохи является вечным состоянием «последнего слова». Мы знаем, что это объяснение не ново, в конце каждой серьезной эпохи капитала и насилия делаются такого рода объявления о «вечности». Такова истина «наук» цивилизации, насчитывающих пять тысячелетий, подведенных под методику и завернутых в тысячи покровов. Метод стал истиной, а истина — методом.

Когда на ухо шептали, что возможны не только допустимые, но и другие миры, науки, методы, сразу же возникали, наряду с адом, обвинения в ереси, безбожии, а вместе с ними использовались все существующие формы террора. Самым простым способом является отрубание головы, но применяются и такие виды казни, как распятие, сожжение на костре, повешение, пожизненная каторга или тюремное заключение, пытки, рабский труд до смерти и т. д.

Мы видим, как централизованная цивилизация едва ли не мстит сельскому земледельческому обществу, которое пять тысячелетий старается разрушить, а к последним две тысячам лет — попросту обанкротить и стереть даже все его следы. Упадок окружающей среды, по существу, является последней формой мести СЕЛЬСКОМУ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ. Очень интересно, что вместо социальной природы, которую лишили слова, ответ на этот упадок дает первичная природа в виде различных

бедствий (потепление климата, засуха, ускоренное таяние полярных льдов, селевые потоки и наводнения). Порой человечество, которое заставили умолкнуть, можно сравнить с самой бессловесной природой. Кто может отрицать, что это очень горькая, но истина?

Фундаментальная переменная в парадигме истории должна быть связана с тем, что без сельского земледельческого общества (10000 гг. до н. э. — по наши дни) не могло быть развития монополий капитала и власти городского происхождения. К самым основным методическим изменениям можно прийти с этой точки зрения. Даже поверхностное высказывание Розы Люксембург о том, что «не будь общества, не являющегося капиталистическим, не было бы накопления капитала, монополизма», было бы правильным распространить на всю историю и все формы капитала; это выражение процесса распада капитала на всем историческое общество. Модель К. Маркса, касающаяся «чистого» капиталистического общества, — это его основная ошибка, потому что такое общество невозможно ни практически, ни теоретически. Подтверждение простое: скажем, в одном обществе есть только капиталисты (вместе с бюрократами) и рабочие (вместе с безработными), потому что чистое капиталистическое общество предусматривает это. Предположим, на заводах капитала производится в общей сложности сотня единиц товара. Двадцать пять единиц товара принадлежат рабочим в счет их заработной платы. Двадцать пять единиц пусть остается в пользовании капиталистического класса. Хорошо, что будет с оставшимися пятью десятками единиц товара? Оставшееся или сгниет, или будет распределено бесплатно. В соответствии с моделью «чистого» капиталистического общества иного пути нет.

Роза Люксембург, исходя из этих позиций, говорит о том, что существование системы возможно, если оставшиеся пятьдесят единиц товара с целью прибыли будут проданы некапиталистическому обществу, и в этом случае она находится недалеко от берегов истины. Социальная действительность гораздо глубже. Надо хорошо знать и никогда не забывать о том, что прибыль и основанное на прибыли накопление капитала являются безвозмездным общественным излишком. Что же такое общество, не являющееся капиталистическим? В первую очередь, это исторически сложившаяся сельская крестьянская община; это женщины, запертые в стенах домов, это городская беднота, ремесленники, зарабатывающие кусок хлеба своим трудом, а также безработные. Если рассматривать действительность под таким углом зрения, можно будет гораздо лучше разобраться в насчитывающей пять тысячелетий цивилизации и в ее наиболее систематическом периоде, длящемся последние четыре столетия. Сеть, организовавшаяся на протяжении всей истории в виде капитала и власти (аристократия, дворянство, буржуазия, государство, власть и пр.), никогда не превышала десяти процентов всего населения. Следовательно, костяк социальной природы постоянно вовлекал в себя не менее девяноста процентов общества.

В таком случае спросим с точки зрения метода: что является более правильным с научной позиции, историзация и систематизация десяти процентов с их превращением в основной объект мышления или же более правильным научным методом является историзация и систематизация девяноста процентов общества, которые и должны стать основным объектом? Такова основная реальность, ожидающая своего ответа. Могут сказать, что иного пути нет, поскольку мышление, наука и метод жестко сконцентрированы в монополии

десяти процентов. Но разве эта монополия не была, в конечном счете, построена на принципе узурпирования излишков общественного продукта? Может ли оправдать привилегированность то, что указанный слой общества представляет собой наиболее организованную и идеологически подкованную группу? Ведь хорошо организованная сила, даже если она составляет лишь один процент от всего общества, в состоянии взять под свое господство миллионы, может управлять этими миллионами, способна выдвинуть все свои высказывания в качестве основной науки и метода. Но разве может это стать реальностью, истиной? Кто объявляет горстку насильников и монополистов носителями истины? Может ли изменить общественную истину, истину девяноста процентов, факт, что те, кто объявляет эти монополии носителями истины, представляет их в качестве мифологии, религии, философии, науки, искусства и связаны с сетью капитала и силы? Достаточно очевидны причины такой постановки вопроса. Ни у одной идеологической, научной, религиозной, философской и эстетической гегемонии не хватит, не должно хватить сил, чтобы изменить эту истину.

Исследуя историческое общество в свете вышеупомянутого основного метода и, имея в виду различные типы мышления (мифологического, религиозного, философского, научного и эстетического), увидим, что благодаря этому истина приобретет иные, более заметные масштабы и смысл. Демократическая цивилизация может быть связана с гораздо более развитой систематикой, коей является объяснение исторического общества, учитывающее обе стороны (то есть в комплексе структуры, объективности и субъективности, являющейся способом его выражения). Систематизация, предполагающая более глубокую историчность и целостность социальной природы, не просто возможна, но необходима. В парадигматической основе научной революции, социальной науки должен быть утвержден такой систематический анализ.

Такой подход к проблеме метода способен лучше представить социальную природу в ее историческом богатстве и целостности. С первого раза видно следующее:

- а. Общество без капитала и власти возможно, но не может быть капитала и власти без общества.
- б. Экономика без капитала возможна, но не может быть капитала без экономики.
- в. Общество без государства возможно, но не может быть государства без общества.
- г. Общество без капиталиста, феодала, барина возможно, но не может быть капиталиста, феодала, барина без общества.
- д. Общество без классов возможно, но не может быть класса без общества.
- е. Село и земледелие без города возможны, но не может быть города без села и земледелия.
- ж. Общество без закона возможно, но не может быть общества без нравственности

з. Общество можно довести до такого состояния, когда в нем не будет ни политики, ни нравственности, как в сказке про мужика, который сам играет и сам танцует. Но в таком случае общество будет растерзано и проглочено новым Левиафаном (национально-государственный фашизм), и миг смерти общества и человека одинаково зрелищны. Это и есть тот миг, когда осуществляется геноцид. Это мгновение, которое Мишель Фуко объявил смертью человека, а Фридрих Ницше назвал кастрацией общества и человека, его превращением в червя и муравья, стадо и массу. Это мгновение, когда, по выражению М. Вебера, общество запирается в «железную клетку»!

Парадигма демократической цивилизации должна вступить в действие в такой момент:

1. Поскольку без села и земледелия невозможно продолжение жизнедеятельности общества, борьба, продемонстрированная на протяжении истории этой прослойкой, все это время существования официальной цивилизации являлась предметом эксплуатации и гнета, может достичь цели только путем превращения в политическое общество.

2. Существование города возможно без существования баз монополий капитала и власти. Истинное освобождение города, который на протяжении всей истории цивилизации был вынужден играть роль базы эксплуатации и гнета, возможно только путем превращения в политическое городское общество демократического управления. Широко распространенное и исторически развитое демократическое конфедеративное управление городов может, благодаря своему дальнейшему развитию, спастись от участи сборища канцерогенных образований.

3. До тех пор, пока монополии капитала и власти, построенные на экономике, не будут сужены и нейтрализованы в целом, не прекратятся ни экономические кризисы, ни проблемы. Основная причина разрушения окружающей среды, различного рода ненужных классовых образований, социальных болезней и войн, в первую очередь, безработицы, голода и бедноты — это борьба разнообразных групп капитала и власти за увеличение своей доли в общественной прибавочной стоимости. Социальная природа обладает гибким покровом, защищающим от всех этих проблем, болезней и может быть действенной даже в случае ограничения механизмов капитала и власти. Если история будет написана и реализована с классовой точки зрения, то может обрести свой истинный смысл лишь с этой парадигмой.

4. Естественное состояние общества без монополии капитала и власти — это нравственное и политическое общество. Все человеческое общество, от своего рождения до полного угасания, отражает данную особенность. Такие шаблоны, как рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и социалистическое общество, не могут отразить действительность, подобно одеждам, в которые хотят вырядить социальную природу. Такие утверждения могут иметь место, но таких обществ нет. Основное состояние обществ — это нравственное и политическое, но, поскольку на протяжении всей истории их постоянно притесняли, эксплуатировали и подвергали колонизации, они не смогли обрести возможности для полного развития.

5. Основной задачей демократической политики может стать приобщение нравственного и политического общества к его функциям на свободной основе. Общества, способные обрести такую действенность, считаются открытыми, прозрачными демократическими. Чем большее развитие получило демократическое общество, тем более действенным может стать нравственное и политическое общество. Искусство демократической политики несет ответственность за постоянную жизнеспособность таких обществ. Создание социума при помощи «социальной инженерии» не является обязанностью демократической политики. Такого рода инженерия — деятельность либерализма, направленная на формирование монополии капитала и власти.

6. Все королевства, империи, республики, города и национальные государства, созданные на протяжении всей истории во имя цивилизации, как по-отдельности, так и все вместе, в состоянии консенсуса или конкуренции, гегемонии или равноправия, по своей сущности являются авторитарными, государственными формами капитала.

Целью нравственного и политического общества никогда не может быть достижение состояния такого рода монополий. Оно может жить или независимо от них, или в состоянии условного мира и консенсуса. В такой ситуации демократическая цивилизация и цивилизации официальной власти могут прийти к согласию в различной форме. Если мирные процессы основаны на таких условных соглашениях, то прочие периоды истории проходят в состоянии постоянной войны, причем как внутри самих обществ, так и над ними.

7. Если общество не основано на постоянных монополистских войнах (внутренних и внешних), то оно основывается на принципах развития собственной демократической цивилизации под различными формами (как на базе земледелия в селах, так и в среде трудящихся города). История не является совокупностью властей и государств — инструментов наиболее бесчеловечных и устаревших институтов, история полна примеров демократической цивилизации — их гораздо больше, нежели упомянутых, поскольку это постоянный образ жизни более чем девяноста процентов социальной природы. Такие громадные общественные группы, как семьи, родоплеменные системы, конфедерации, городские демократии (насколько известно, наиболее ярким примером являются Афины) и демократические конфедерации, монастыри, общины, коммуны, партии равноправия, гражданские общества, секты, конфессии, религиозные и философские сообщества, не примкнувшие к государству, группы женской взаимопомощи, бесчисленные общины и группы солидарности, не нашедшие себя в письменной истории, должны быть отмечены в структурах демократической цивилизации. Как жаль, что история этих сообществ не фиксировалась систематически, хотя систематическое изложение жизнедеятельности этих групп вполне могло бы рассматриваться как истинная история человека!

8. Поскольку цивилизации официальной власти вместе с финансовыми и оружейными монополиями развивали свою идеологическую гегемонию в тесной взаимной связи, идеология демократической цивилизации постоянно оставалась слабой и бессистемной. Власти все время подавляли и искажали, а в большинстве случаев попросту уничтожали оппонентов. Сколько мудрецов, ученых, философов, религиозных деятелей, предстоятелей церквей, руководителей конфессий и деятелей искусства, не сдавшихся и возвышавших голос своей свободной совести, подвергалось самым тяжелым наказаниям и умолкало

навеки. То, что история умалчивает об этом, отнюдь не означает, что такого не было. Одной из наиболее важных интеллектуальных задач для нас является приобщение демократической цивилизации к систематической историко-социальной форме самовыражения.

9. В противовес системе национально-государственной цивилизации, ставшей идеологической, административной, экономической, авторитарной монополией мировой капиталистической системы на протяжении последних четырех столетий, в этой длинной череде и широкой панораме движений существует систематика, которая, несмотря на определенную неполноту, тем не менее, не должна игнорироваться. Данное явление выражается в городской демократии (Италия) и конфедерациях (Германия) демократической цивилизации, крестьянских бунтах и коммунах, пролетарских восстаниях и коммунах (Парижская коммуна), опытах социализма (на одной третьей части суши), национально-освободительных процессах (образования, не примкнувшие к государству и власти), деятельности многочисленных демократических партий, гражданского общества, наконец, экологических и феминистских движениях, всевозможных демократических молодежных движениях, фестивалях искусства и новых религиозных движениях, не преследующих цель приобщения к власти.

10. Несмотря на то, что современная национально-государственная систематика переживает тяжелые проблемы, и ежедневно расширяются трещины на его теле, на сегодняшний день она обладает наиболее сильной систематизацией на национальном, региональном и всемирном уровне. В то время, как национальные государства (их количество превышает две сотни) представлены в форме региональных союзов (в первую очередь, Евросоюз, далее, США-Канада-Мексика, Юго-Восточная Азия) и всемирных организаций ООН (Организация Объединенных Наций), явно недостаточно такой мягкой и бесформенной организации, как Всемирный социальный форум, союзы трудящихся и народов, не имеющих государственности и власти. Недостатки кроются в идеологической и структурной сферах. Для устранения этих недостатков Всемирная демократическая конфедерация должна развивать местные и региональные национальные демократические конфедерации, их партийные механизмы и гражданские общества.

Версия #2

Зверобой создал 14 января 2026 16:36:45

Зверобой обновил 14 января 2026 16:41:39